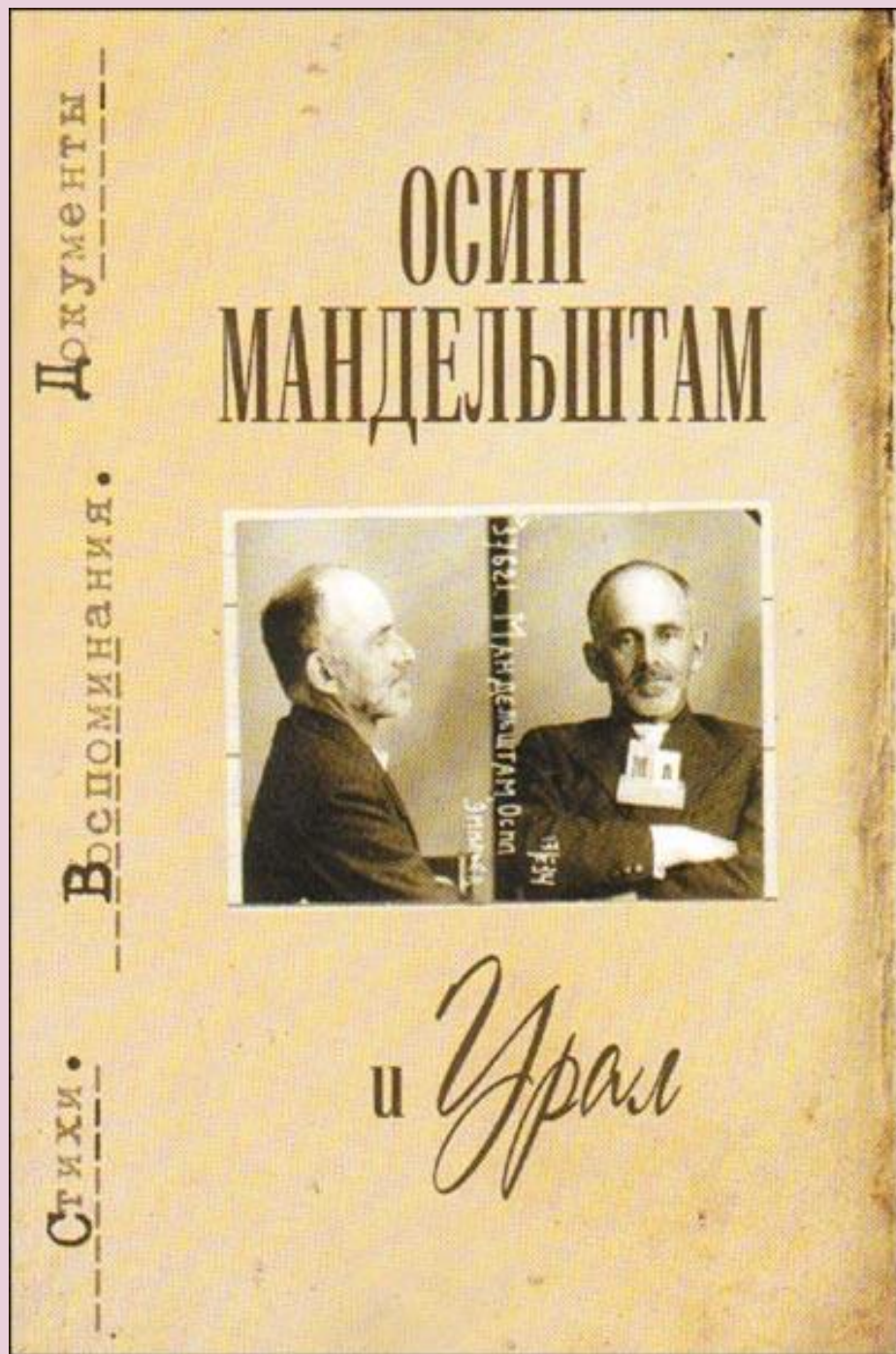


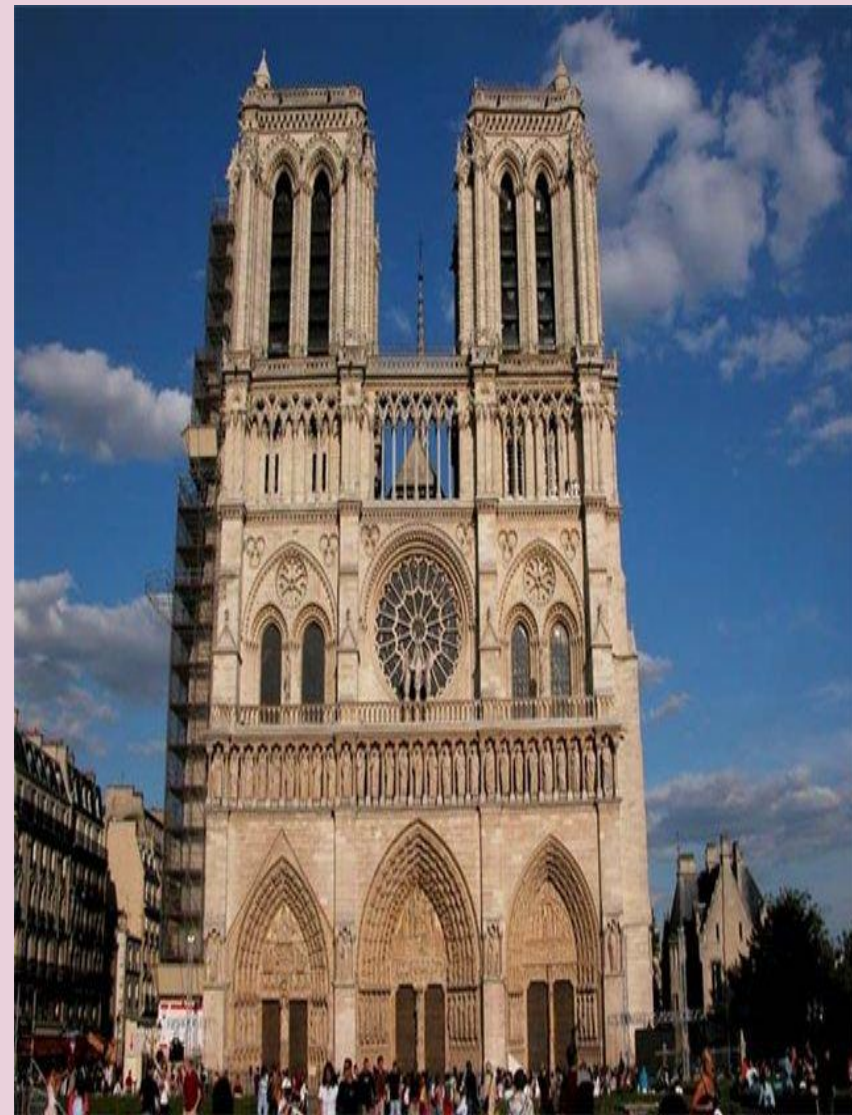
# Стихи О. Мандельштама.



Презентация учителя  
литературы Сафоновой Т.Н.

# Notre Dame

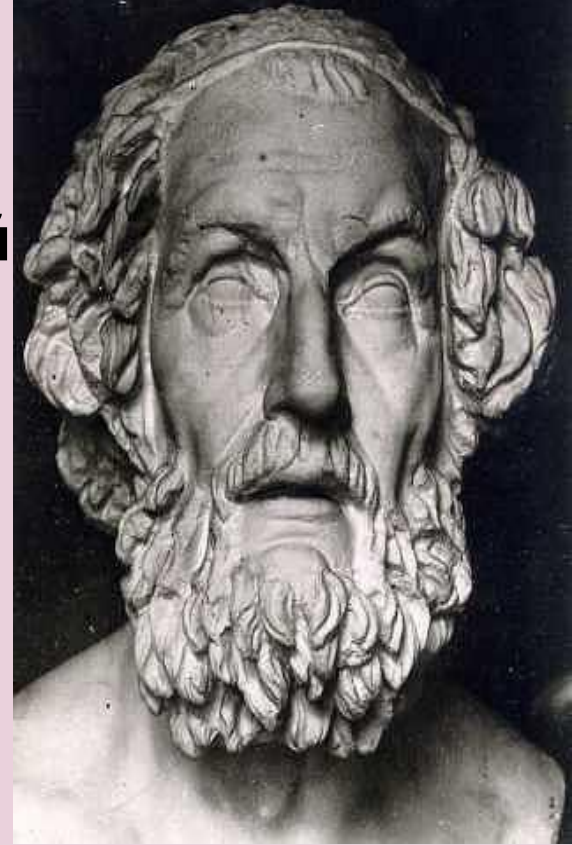
Где римский судия судил чужой народ —  
Стоит базилика, и — радостный и первый —  
Как некогда Адам, распластывая нервы,  
Играет мышцами крестовый лёгкий свод.  
Но выдаёт себя снаружи тайный план,  
Здесь позаботилась подпружных арок сила,  
Чтоб масса грузная стены не сокрушила,  
И свода дерзкого бездействует таран.  
Стихийный лабиринт, непостижимый лес,  
Души готической рассудочная пропасть,  
Египетская мощь и христианства робость,  
С тростинкой рядом — дуб, и всюду царь —  
отвес.  
Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,  
Я изучал твои чудовищные рёбра,—  
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй  
И я когда-нибудь прекрасное создам...  
1912





## **Бессонница. Гомер. Тугие паруса.**

**Я список кораблей прочёл до середины:  
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный  
Что над Элладою когда-то поднялся.  
Как журавлиный клин в чужие рубежи, —  
На головах царей божественная пена, —  
Куда плывёте вы? Когда бы не Елена,  
Что Троя вам одна, ахейские мужи?  
И море, и Гомер — всё движется любовью.  
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,  
И море чёрное, витийствуя, шумит  
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.**







**За гремучую доблесть грядущих  
веков,**

**За высокое племя людей —  
Я лишился и чаши на пире отцов,  
И веселья, и чести своей.  
Мне на плечи кидается век-волкодав,  
Но не волк я по крови своей:  
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав  
Жаркой шубы сибирских степей.  
Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,  
Ни кровавых костей в колесе;  
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы  
Мне в своей первобытной красе.  
Уведи меня в ночь, где течёт Енисей  
И сосна до звезды достаёт,  
Потому что не волк я по крови своей  
И меня только равный убьёт.**

***17-28 марта 1931, конец 1935***



**Сюжет стихотворения  
О.Э.Мандельштама  
«За гремучую доблесть  
грядущих веков...»,  
написанного в тридцатые  
годы двадцатого  
века,  
имеет автобиографическую  
основу.  
Как и многие другие деятели  
культуры  
и искусства,  
автор этих строк попал  
в жернова  
сталинских репрессий.**





**Личность лирического героя в этом (2)  
произведении уникальна.  
Главное для нее — сохранить самоуважение,  
не уподобиться  
вопреки законам жестокой эпохи  
звериной сущности волков.**







**Я вернулся в мой город, знакомый до слёз,  
До прожилок, до детских припухлых желёз.  
Ты вернулся сюда, так глотай же скорей  
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,  
Узнавай же скорее декабрьский денёк,  
Где к зловещему дёгтю подмешан желток.  
Петербург! я ещё не хочу умирать:  
У тебя телефонов моих номера.  
Петербург! У меня ещё есть адреса,  
По которым найду мертвецов голоса.  
Я на лестнице чёрной живу, и в висок  
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,  
И всю ночь напролёт жду гостей дорогих,  
Шевеля кандалами цепочек дверных.**



## Невыразимая печаль

Открыла два огоромных глаза,  
Цветочная проснулась ваза  
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена  
Истомой — сладкое лекарство!  
Такое маленькое царство  
Так много поглотило сна.

Немного красного вина,  
Немного солнечного мая —  
И, тоненький бисквит ломая,  
Тончайших пальцев белизна





## Tristia (1)

Я изучил науку расставанья  
В простоволосых жалобах ночных.  
Жуют волы, и длится ожиданье —  
Последний час вигилий городских,  
И чту обряд той петушиной ночи,  
Когда, подняв дорожной скорби груз,  
Глядели вдаль заплаканные очи  
И женский плач мешался с пеньем муз.  
Кто может знать при слове "расставанье"  
Какая нам разлука предстоит,  
Что нам сулит петушьё восклицанье,  
Когда огонь в акрополе горит,  
И на заре какой-то новой жизни,  
Когда в сенях лениво вол жуёт,  
Зачем петух, глашатай новой жизни,  
На городской стене крылами бьёт?  
И я люблю обыкновенье пряжи:  
Снуёт челнок, веретено жужжит.  
Смотри, навстречу, словно пух лебяжий,  
Уже босая Декия летит!



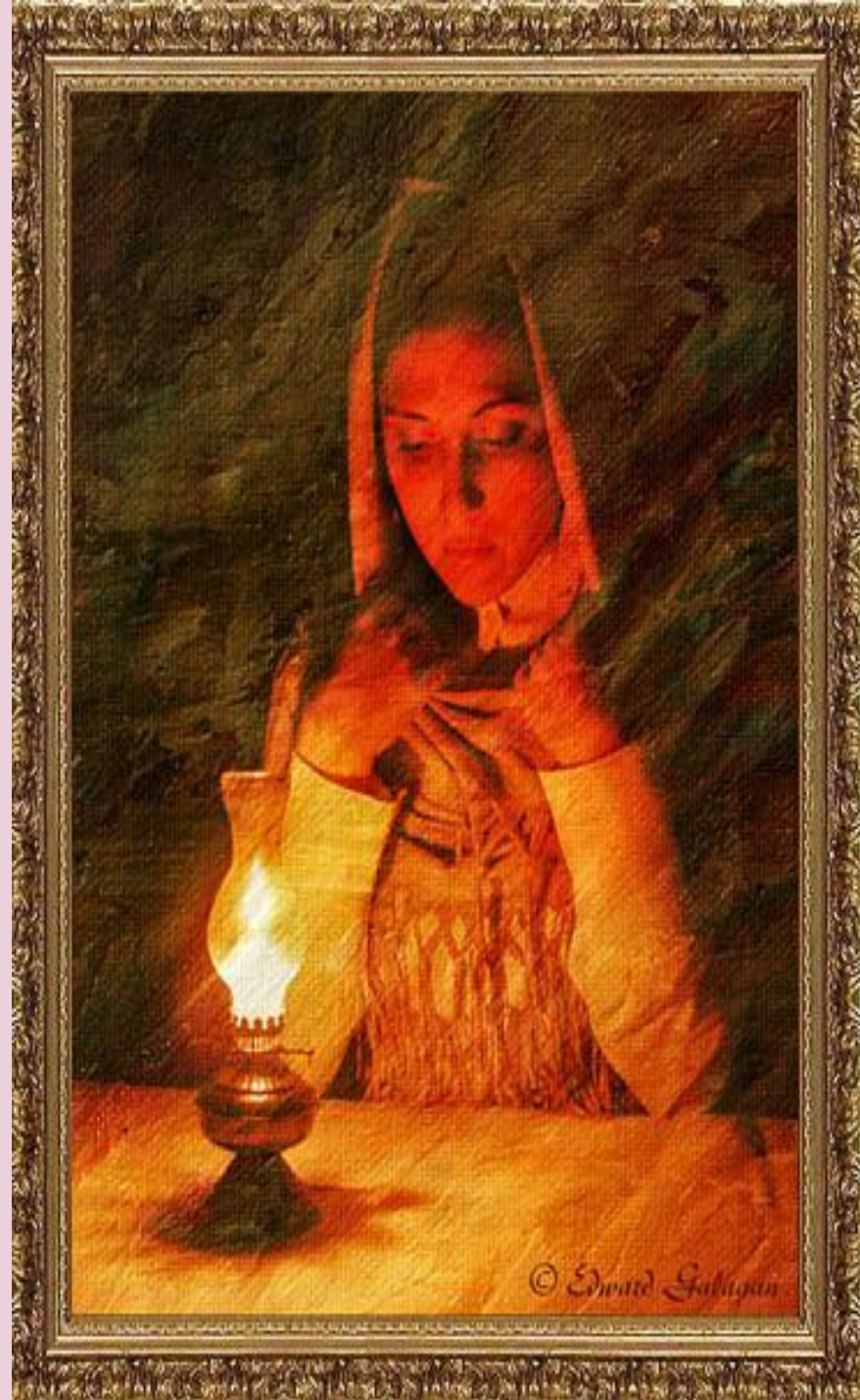
## Tristia (2)

О, нашей жизни скудная основа,  
Куда как беден радости язык!  
Всё было встарь, всё повторится снова,  
И сладок нам лишь узнаванья миг.  
Да будет так: прозрачная фигурка  
На чистом блюде глиняном лежит,  
Как беличья распластанная шкурка,  
Склонясь над воском, девушка глядит.  
Не нам гадать о греческом Эребе,  
Для женщин воск, что для мужчины медь.  
Нам только в битвах выпадает жребий,  
А им дано гадая умереть.

1918

(Эреб - мрачные глубины царства [Аида](#), вечный Мрак. Возник из Хаоса, муж [Никты](#), отец [Гемеры](#), [Гипноса](#), [Танатоса](#), [Мома](#), [Немесиды](#), [Харона](#) )

(





## ***Батюшков***

Словно гуляка с волшебною тростью,  
Батюшков нежный со мною живёт.  
Он тополями шагает в замостье,  
Нюхает розу и Дафну поёт.  
Ни на минуту не веря в разлуку,  
Кажется, я поклонился ему:  
В светлой перчатке холодную руку  
Я с лихорадочной завистью жму.  
Он усмехнулся. Я молвил: спасибо.  
И не нашёл от смущения слов:  
Ни у кого — этих звуков изгибы...  
И никогда — этот говор валов...  
Наше мученье и наше богатство,  
Косноязычный, с собой он принёс  
Шум стихотворства и колокол братства  
И гармоничный проливень слёз.



*Батюшков (2)*

**И отвечал мне оплакавший Тасса:  
Я к величаньям ещё не привык;  
Только стихов виноградное мясо  
Мне освежило случайно язык...  
Что ж! Поднимай удивлённые  
брови,  
Ты, горожанин и друг горожан,  
Вечные сны, как образчики крови,  
Переливай из стакана в стакан...**





**Х Х Х**

**Мне стало страшно жизнь отжить —  
И с дерева, как лист, отпрыгнуть,  
И ничего не полюбить,  
И безымянным камнем кануть;  
И в пустоте, как на кресте,  
Живую душу распиная,  
Как Моисей на высоте,  
Исчезнуть в облаке Синая.  
И я слежу — со всем живым  
Меня связующие нити,  
И бытия узорный дым  
На мраморной сличаю плите;  
И содроганья тёплых птиц  
Улавливаю через сети,  
И с истлевающих страниц  
Притягиваю прах столетий.  
*Не позднее 5 августа 1910***

